

RUSSIA AND RUSSIAN LITERATURE: A VIEW FROM ABROAD

DOI 10.15826/qr.2017.4.260

УДК 821.111-311.6+821.161.1+94(470)"1914/1920"+929Джехарди

УИЛЬЯМ ДЖЕХАРДИ: АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ С РУССКИМ АКЦЕНТОМ – О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ*

Татьяна Красавченко

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия

WILLIAM GERHARDIE: AN ENGLISH WRITER WITH A RUSSIAN ACCENT – ON THE REVOLUTION AND CIVIL WAR

Tatiana Krasavchenko

Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS,
Moscow, Russia

The works of William Gerhardie, a witness of the two Russian revolutions and the Civil War, are the unique fruit of cultural interaction, and especially of Chekhovian influence on British culture. Gerhardie is a rare example of a person and writer on the Anglo-Russian cultural border. In the 1920s, he was well known in Britain and the USA, especially in literary circles: in the 1990s, after his books were published in English and translated into the main European languages, he received wide recognition. However, he is still poorly known in Russia, and his works have not been studied. The clash of two cultural and civilisational traditions – Russian and English – determined his double identity and the dramatic character of his life. However, in his works he synthesised and harmoniously combined the Chekhovian tradition with the English cultural tradition, rooted in the works of Sterne, English caricature (evolving from William Hogarth), Dickens, and Beckett, creating a vivid, modernist prose which gave a creative impulse to British writers

---

* *Citation:* Krasavchenko, T. (2017). William Gerhardie: an English Writer with a Russian Accent – on the Revolution and Civil War. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 941–957. DOI 10.15826/qr.2017.4.260.

Цитирование: Krasavchenko T. William Gerhardie: an English Writer with a Russian Accent – on the Revolution and Civil War // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 941–957. DOI 10.15826/qr.2017.4.260 / Красавченко Т. Уильям Джехарди: английский писатель с русским акцентом – о революции и Гражданской войне // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 941–957. DOI 10.15826/qr.2017.4.260.

of later generations – E. Waugh, G. Greene, O. Manning, A. Powell, W. Boyd, etc. Gerhardie, probably on more significant grounds than Katherine Mansfield, is often called an “English Chekhov” in literary criticism. It is a spectacular definition, but not quite accurate, since he was a writer of a different time and language who belonged to a different cultural and aesthetic tradition, which often led him to inner polemics with Chekhov. In this article, his early works are analysed from an imagological point of view, since it was between the 1920s and 1930s that he created an expressive image of Russia, Russians, and the English.

Keywords: William Gerhardie; British modernist novel; imagology; Chekhovian tradition; Anglo-Russian cultural borderland; double identity.

Творчество Уильяма Джехарди, свидетеля двух русских революций и Гражданской войны, уникальный плод культурного взаимодействия, своего рода чеховской прививки на древо британской культуры. Джехарди – редкий образец писателя англо-русского культурного пограничья. В Британии и США он был признан литераторами в 1920-е гг.; с 1990-х гг. после переиздания его книг на английском и перевода их на основные европейские языки он обретает широкое признание. В России его творчество до сих пор мало известно и практически не изучено. Столкновение двух культурно-цивилизационных традиций – русской и английской – определило его личную двойную идентичность, драматически сказалось на его жизни, но в творчестве он синтезировал, органично сочетал чеховскую традицию с английской культурной традицией, идущей от Стерна, английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, Диккенса к Беккету, и создал яркую, самобытную модернистскую прозу, которая дала творческий импульс британским писателям разных поколений – И. Во, Г. Грину, О. Мэннинг, Э. Пауэллу, У. Бойду и др. В критике Джехарди называют «английским Чеховым», пожалуй, с большим основанием, чем К. Мэнсфилд, однако это эффектное определение довольно условно, ибо он писатель другого времени, языка, культурной и эстетической традиции, что порождало его внутреннюю полемику с русским писателем. В статье в имагологическом ракурсе рассмотрено раннее творчество Джехарди, ибо именно в 1920–1930-е гг. он создал выразительный образ России, русских и англичан.

Ключевые слова: Уильям Джехарди; английский модернистский роман; имагология; чеховская традиция; англо-русское культурное пограничие; двойная идентичность¹.

---

¹ Произношение имени писателя – Герарди, Джерарди, Джехарди – до сих пор вызывает разногласия даже в Великобритании. В «Мемуарах полиглота» (1931) он пишет, что привык к произношению имени теми, кто его носил, с мягким «g», то есть «h» в середине. Он с юмором отнесся к разному произношению своего имени и «издал указ» произносить имя как «Джехарди» по понедельникам, средам и пятницам, «Герарди» – по вторникам и субботам, а по воскресеньям – «Джиради» [Gerhardie, 1990, p. 201–202]. «Мемуарам полиглота» предшествует примечание издателя: в 1967 г. Уильям Джехарди изменил написание своей фамилии, добавив в конце «e», то есть Gerhardie вместо Gerhardt [Ibid., p. 15]. Газета «Таймс» 4 января 1967 г. прокомментировала, что Джехарди добавил конечное «e» в свою фамилию по аналогии с Данте, Шекспиром, Гёте и Блейком.

Once I found myself sitting by the side of Osbert Sitwell, who
 said, after time: "William, are you English?"
 – I affirmed the fact... in accents more reminiscent
 of the Neva than of the Thames side.

*W. Gerhardie. Memoirs of a Polyglot*²

В творчестве Уильяма Джехарди (1895–1977), главным образом раннем – в автобиографических романах «Тщета: роман на русские темы» (1922) и «Полиглоты» (1925)³, в первой книге о Чехове на английском – «Антон Чехов» (1923), в документальных «Мемуарах полиглота» (1931) образ России, британско-русских взаимоотношений, образы русских и англичан оказываются вписаны в широкий исторический, культурно-цивилизационный, имагологический контексты.

Свою первую книгу «Тщета», посвятив ее Кэтрин Мэнсфилд, Джехарди опубликовал на пике англоязычного литературного модернизма в 1922 г., то есть в год публикации «Бесплодной земли» Т. С. Элиота и «Улисса» Дж. Джойса. Они, безусловно, несколько затмили ее. Тем не менее, именно в 1920-е гг. Джехарди стал знаменитостью в литературных кругах. Он обладал уникальным литературным трагикомическим даром и был окружен аурой экзотического русского прошлого. Его дилемму тонко заметил Бернард Шоу: «Если вы англичанин, вы гений, – сказал он, – но если вы русский... ну, тогда, конечно...» – «Я англичанин»...», – быстро ответил Джехарди [Gerhardie, 1990, p. 271].

В литературе, как и в истории, не бывает сослагательного наклонения, но кто знает, что бы было, если б он издал «Тщету» на русском (английский литературовед Р. Д. Селл обнаружил рукопись на русском в архиве писателя в Кембридже [Sell, p. 34; Gerhardie, Notebooks]), возможно, появился бы яркий писатель-билингв или же эпигон Чехова, но Джехарди благоразумно, как настоящий англичанин, опубликовал этот, как и последующие романы, на английском и дал импульс целой плеяде британских писателей.

Как заметил Грэм Грин, «для моего поколения он был самым важным новым романистом, появившимся в нашей молодости» (цит. по: [Times]). Другая известная британская романистка Оливия Мэннинг пошла еще дальше: «Юмор, поэзия смерти и свобода духа – все это присутствует в прозе Уильяма Джехарди, как ни у одного иного писателя... Он – наша «Шинель» Гоголя. Мы все вышли из него» (цит. по: [Gerhardie, 1987, p. X]). А Ивлин Во заявил: «Никогда не смогу до-

² «Однажды я сидел рядом с [английским литератором] Осбертом Ситуэллом, который через некоторое время спросил меня: "Уильям, вы англичанин?" Я ответил утвердительно с акцентом, который больше напоминал о Неве, чем о Темзе...» (здесь и далее перевод текстов автора статьи. – *Прим. ред.*).

³ Роман «Тщета» переведен на русский М. Немцовым в 2016 г. и издан во Владивостоке в количестве 500 экз. [Джехарди, 2016]; «Полиглоты» под названием «Нашествие варваров» – Э. Паттерсон в 1926 г. [Джерарди, 1926].

стичь его уровня. Знаю, у меня большой талант, но он просто гений», а самому Джехарди написал: «Как вы несомненно сознаете, ваши романы во многом научили меня профессиональному мастерству» (цит. по: [Davies, p. 313]). По словам Чарльза Сноу, романы Джехарди оказали большее воздействие на два поколения английских писателей, чем любые другие известные ему романы [Snow, p. 344]. «Полиглоты» в свое время стали в Оксфорде «библией молодежи; Исайя Берлин, Бернард Майлз объявили его своим “литературным героем”» (цит. по: [Gerhardie, 1987, p. X]).

Джехарди писал о себе:

Поведение, стиль человека определяются влиянием его раннего окружения. Первые восемнадцать лет я провел в Петербурге, что не смогли перевесить ни пять лет в британской армии, ни три года в Оксфорде, ни вся моя последующая жизнь в Англии... <...> Вы не можете провести первые восемнадцать лет своей жизни в России и не иметь привычку ходить с опущенной головой так, что подбородок давит на дыхательное горло, тогда как англичане привыкли откидывать голову назад, что позволяет мелодии звучать ясно [Gerhardie, 1990, p. 7, 359].

Его автобиографический повествователь в романе «Тщета» формирует культурную дилемму автора:

I am one of those uncomfortable people whose national “atmosphere” had been somewhat knocked on the head – an Englishman brought up and schooled in Russia, and born there, incidentally, of British parents (with a mixed un-English name!...) [Gerhardie, 1971, p. 163–164]⁴.

* * *

В «Мемуарах полиглота», своеобразном документальном комментарии к романам, Джехарди пишет о своих английских корнях, о дедушке Уильяме Александре, который с женой-бельгийкой и дюжиной детей перебрался из Манчестера в Санкт-Петербург, куда они ехали на санях – железных дорог тогда не было. Дед построил хлопкопрядильную фабрику на правом берегу Невы в Санкт-Петербурге. Россия стала домом для семьи Джехарди. Отец его разбогател. В 1889 г. он женился на англичанке из Ланкашира, в трехлетнем возрасте приехавшей в Россию с родителями, а 21 ноября 1895 г. в Петербурге родился будущий писатель. Его крестили в местной англиканской церкви [Gerhardie, 1990, p. 23].

Джехарди рассказывает о своем счастливом детстве в России, где благодаря Петру Великому иностранцы всегда в большом почете. Учился Уильям в русском реальном училище. Был полиглотом: с ро-

⁴ «...Я был одним из тех неудобных людей, чей национальный строй был перевернут с ног на голову – англичанин, выросший и учившийся в России, родившийся там, между прочим, у английских родителей (к тому же с путаным неанглийским именем...)».

дителями говорил по-английски, с сестрами и братом – по-русски (даже в 1920–1930-е гг. в минуты искренности они переходили на русский), с французской гувернанткой – по-французски, с немецкой – по-немецки. “But English peppered with Russian” («Но английский, подперченный русским») стал для Джехарди естественным языком [Gerhardie, 1990, p. 24].

Отец писателя чувствовал себя в России комфортно: рабочие любили его, “What is it, my dove?” («В чем дело, голубчик?») – обычно обращался он к ним. «Ласковая речь в России, контрастируя с обычной грубостью речи, трогает людей» [Gerhardie, 1990, p. 49]. Но любовь пролетариев оказалась ненадежной: в революционном 1905 г. они запихнули отца в мешок из-под угля и на тачке покатали к Неве – сбросить в реку. К счастью, по дороге пожилой смекалистый рабочий пристыдил их: можно ли так обращаться с британским социалистом Кейром Харди? И они (отец не стал отрицать, что он Харди) с извинениями освободили его [Ibid.].

Джехарди вырос на русской поэзии, казавшейся ему гораздо более естественной, чем французская, немецкая и английская. Его очаровала русская проза, особенно Тургенев и Апухтин, как никто иной передавшие чувство влюбленности; Гоголь был его ранним и долгим фаворитом, Толстой с его простотой и правдивостью, точностью детали заразил его желанием писать романы. Чехов и Пруст пришли позднее [Ibid., p. 58–59]. Существенно то, что писать Джехарди начал в России – книгу «Радости и печали», к тому же по-русски [Ibid., p. 60].

Родители послали его учиться в Лондон – в колледж по подготовке секретарей. Слабость владения письменным английским он преодолел лишь во втором семестре благодаря чтению Оскара Уайльда и Б. Шоу [Ibid., p. 72], но секретарь из него не вышел. В конце июля 1914 г. на каникулах у родителей – отец к тому времени стал совладельцем самой большой текстильной компании в Петербурге – Уильям работал в его офисе кем-то вроде главного бухгалтера, но на самом деле, прикрывшись бухгалтерской книгой, уже на английском, но на русский сюжет писал пьесу *The Haunting Roubles* («Одержимые деньгами») [Ibid., p. 75], которую, вернувшись в Лондон, безуспешно пытался пристроить в театр.

В разгар войны в конце 1915 г. он, предложив услуги «королю и Отечеству», оказался в кавалерийских казармах в Йорке, а позднее – в Кавалерийском курсантском эскадроне в Ирландии, где получил офицерское звание. К концу 1916 г. потребовались переводчики с русского. Так он очутился в Петрограде в британском посольстве, где расшифровывал телеграммы, принимал посетителей, писал письма; он работал с военным атташе генералом Альфредом Ноксом и наблюдал постепенный спад русской военной активности, которую старались оживить приезжавшие в Петроград британские дипломаты, чиновники, военные. Русские генералы жаловались на нехватку военного снаряжения. И оно начало прибывать из Британии в русские

порты. Однако, замечает Джехарди, русские, требуя новых поступлений, зачастую не делали ничего, чтобы вывезти снаряжение на места, оставляя его ржаветь и гнить в снегу там, где разгрузили. Джехарди приводит случай, когда русский генерал, ревниво относившийся к успехам соперника, чтобы помешать его победам, намеренно направил снаряжение не туда, куда надо [Gerhardie, 1990, p. 115].

Британское посольство в России, по словам Джехарди, обвиняли и в том, что оно привело к революции, и в том, что мешало ей. Он признает, что англичане пытались влиять на российские власти: обычно британский посол или приезжавший в Петроград государственный деятель, даже консерватор, убеждал русского императора предоставить народу долю самоуправления через Думу, и обычно император с доброжелательным достоинством просил их не вмешиваться не в свои дела [Ibid., p. 113]. По мнению Джехарди, британский посол сэр Джордж Бьюкенен проявил чуткое понимание русской политики. Как медиум-спиритуалист, он очистил свое «монархическое» сознание от «личного багажа» и, как телефонная служба, имеющая две линии, передавал в Лондон настойчивые требования Керенского, Милюкова, Терещенко, даже Троцкого: спасти Россию от сепаратного мира с Германией может лишь прекращение войны [Ibid., p. 116]. Но из Лондона ему отвечали, что ничто, в том числе и крах России, не имеет значения, кроме победы в войне. Тогда он убеждал российских государственных деятелей активизировать «уставшего русского колосса» в схватке с Германией. Так они и поступали, но вскоре каждый премьер-министр понимал, что гонит «мертвую лошадь».

В первые дни революции, по мнению Джехарди, не было ни одного англичанина в посольстве, который бы не был охвачен энтузиазмом. В характерной для себя манере он вводит в свою интерпретацию Февральской революции сравнение быстрого падения русского царя с персонажем из знакомого каждому британцу английского детского стихотворения о смешном круглом человечке Humpty Dumpty (Шалтай-Болтай – в переводе С. Маршака). Джехарди пишет, что полиция сопротивлялась лишь в первый день, стреляла в толпу с крыш домов; взятых в плен полицейских выстроили, сделали полынью во льду на реке и толкали под лед баржевными шестами. Джехарди иронически комментирует: «Крови не было. И первую русскую революцию прозвали “бескровной”» [Ibid., p. 125].

В романе «Тщета» автобиографический повествователь с юмором и не без иронии описывает разноликий русский народ, участвовавший в Февральской революции в расколотовой России. В один из первых дней революции по дороге домой он проходит по Троицкому мосту мимо роты восставших солдат:

They marched alert and joyous to the sound of some old familiar marching songs till they came to the words “for the Czar”. Having sung these words they stopped somewhat abruptly and perplexed. “How for the Czar?” one of them

asked. "How for the Czar?" they repeated, looking at each other sheepishly. Then they marched without singing. There were peasants who did not know the word "revolution" and thought it was a woman who would supersede the Czar. Others wanted a republic without the Czar. And there were others still who interpreted the word republic as "rezshpublicoo"... [Gerhardie, 1971, p. 67]⁵.

В этом же эпизоде он описывает встречу на Троицкой площади с русским офицером, привлеченным британской формой, который заявляет, что теперь русские будут более энергичными союзниками для англичан. Позднее в романе «Полиглоты» Джехарди вводит мотив русского мужика как некой аморфной неодолимой силы, живущей своей жизнью, – это история выходца из Малороссии кучера Степана – фаталиста, который на все вопросы отвечал: "All is possible" – «Все возможно» [Gerhardie, 1987, p. 141]. Он относился к жизни с униженным смирением. Начав пить, он вывалил свою хозяйку из коляски, а на ее замечание больше так не делать ответил: «Все возможно» и снова вывалил ее; она уволила его, но он остался на своей койке, молчаливый и смиренный, и никто ничего с ним не мог поделать.

Словно снимая с короля Георга V обвинение в том, что он не спас своего кузена Николая II, Джехарди пишет о том, что король предложил императору и его семье убежище в Англии, но они отреагировали не сразу, потом приняли решение в пользу Дании, но власть Временного правительства уже была ослаблена Советами рабочих и солдат. Да и само правительство боялось, как бы эмиграция императрицы, немки по рождению, в нейтральную страну не привела к утечке военной информации. Керенский отправил императорскую семью в тихие глубины Сибири, надеясь, что о ней забудут. А большевики, уже сбросив Керенского, начали проигрывать чехам в Сибири, и чтобы те не передали их Белой армии, казнили императора и его семью, вписав еще одну жестокую страницу в затопленную кровью историю [Gerhardie, 1990, p. 126].

В политике Джехарди был либералом [Ibid., p. 173] и реалистом – это очевидно, в частности, в том, что ему нравился П. Н. Миллюков, в А. Ф. Керенском он видел первоклассного премьер-министра для начального периода революции, когда она сохраняла еще некий уровень идеализма, и признавал, что более реалистический этап революции потребовал не вызывавшего у него восторга Ленина [Ibid., p. 127], который легко скинул первое русское либеральное Временное правительство в России, ибо оно убеждало народ, победивший в революции, победить и в войне, тогда как народ не хотел воевать [Ibid., p. 128–129].

⁵ «Они шагали живо и радостно, распевая старую знакомую песню, пока не дошли до слов "за царя". Пропев эти слова, они резко остановились, озадаченные. "Как за царя?" – спросил один из них. "Как за царя?" – повторяли они, глуповато переглядываясь. И зашагали без песни. Встречались крестьяне, которые не знали слова "революция" и думали, что это женщина, которая сменит царя. Другие хотели республику с царем. А были и такие, кто истолковывал слово "республика" как "режь публику"..."»

После большевистской революции 1917 г. события приняли, по словам Джехарди, «зловещий оборот»: он посоветовал родным – они потеряли все, что имели, – уехать в Англию. Отец больной (частично парализованный) вернулся с женой в Англию и позднее умер в дешевом пансионе в Тироле.

А вскоре стало ясно, что и британскому посольству далее оставаться в Петрограде бессмысленно. Германия быстро продвигалась в балтийские области, и союзники опасались, как бы военные склады в Ревеле, оказавшись у немцев, не были использованы на Западном фронте. Большевики, на взгляд Джехарди, уже тогда проявили свою террористическую сущность: Крыленко, советский военком, согласился взорвать склады боеприпасов, и когда полковник Торнхилл (британский военный атташе, сменивший Нокса. – Т. К.) посоветовал вывести население из города, заверил его, что можно не беспокоиться, ибо большая часть населения Ревеля – буржуазия, а она, несомненно, настроена контрреволюционно [Gerhardie, 1990, p. 131].

В марте 1918 г. Джехарди (с сотрудниками посольства) уехал в Англию. Позднее он писал о войне как о главном катализаторе социально-политической жизни XX в.: вызванная решительным намерением демократии сокрушить авторитаризм, война привела к большевизму, с одной стороны, и к фашизму – с другой [Ibid., p. 98]. Но еще во время Первой мировой войны в преддверии революций он проницательно заметил о России:

В русском сознании нет места для мелкого, незначительного. Если оно и заблуждается, то всегда в сфере грандиозного. Расхождение между масштабом замысла и объемом достижений существенно. <...> В этом кроются юмор и гений народа [Ibid., p. 114].

* * *

В июне 1918 г. Джехарди вновь направили в Россию, на этот раз в Сибирь, в штаб британской военной миссии (во главе с генералом Ноксом), где он провел два года, получив звание капитана [Ibid., p. 138].

Позицию союзников и ситуацию в целом он объясняет одновременно как либерал и англичанин – спокойно, без эмоций и крайностей: люди в России, верившие в то, что война – лишь прелюдия к революции, заключив сепаратный мир с Германией, вели себя достойно со своей точки зрения, но непростительно с точки зрения союзников имперской России, считавших, что в войне, которую начинали вместе, в критический момент их подвели [Ibid., p. 144]. Защиту белых от большевистской мести он расценивает лишь как дань союзничеству во время войны, проявление общечеловечности, что было, по его мнению, ошибкой, ибо это была помощь вполсердца, тогда как вся моральная сила была на другой стороне. События показали, считает Джехарди, что русские патриоты-белогвардейцы призывали любую страну, кроме собственной, помочь им, тогда как большевики,

не допускавшие слово «Россия» в свои сводки, оказались подлинными патриотами, выступив против интервентов за национальную целостность страны [Ibid., p. 145, 146–147].

Джехарди вспоминает, как адмирал Колчак, проезжавший через Владивосток, зашел с генералом Ноксом в его комнату – в ней не было стульев, и он сел на кровать. Джехарди смотрел на него с интересом как на потенциального Наполеона, не ведая того, что через полтора года его казнят. А слушая Ленина, бомбардировавшего столицу, как ему казалось, пустыми словами, он не предвидел, что через пару лет она будет называться его именем [Ibid., p. 150].

И Джехарди, и его автобиографические повествователи в обоих романах со временем все более остро ощущают бессмысленность своей миссии. Они видят происходящее в основном из окна британского штаба или комфортабельного штабного поезда; круг их общения – британские военные, русские генералы, беженцы из Петербурга и остальной России, основное времяпрепровождение – банкеты, танцы и – ожидание. Военная сфера показана как бесполезная. В этом плане выразителен в «Тщете» эпизод приезда британцев во фронтовую полосу, где выясняется, что в то утро четыре полка перешли на сторону врага. От белой дивизии остались 14 человек, командир и его штаб – 300 офицеров. Командующий говорит, что будет ждать: он надеется, что люди вернутся. Британский адмирал саркастически спрашивает его, на кого же он надеется. На Бога? «Да, – ответил тот, – больше нам надеяться не на кого». И адмиралу стало стыдно [Gerhardie, 1971, p. 126–127].

На прошение Джехарди о возвращении в Англию ему ответили, что его служба необходима, и наградили русским орденом Святого Станислава, орденом Британской империи и чехословацким военным крестом. Лишь в мае 1920 г. началось его плавание обратно в Англию, куда он вернулся в августе того же года [Gerhardie, 1990, p. 152–153].

* * *

Вернувшись в Англию в 1920 г., Джехарди поступил в Оксфордский университет (Ворчестер колледж). Там он работал над эссе о Чехове, позднее вошедшем в книгу о нем, и над романом «Тщета», написанном практически по чеховскому «рецепту». Импульс к его созданию дала встреча во Владивостоке на одном из вечеров с русской девушкой (она научила его танцевать джаз), он влюбился в нее и в результате «написал роман» [Ibid., p. 151]. Из Оксфорда он посылал ей любовные письма, поклявшись помнить ее десять лет, и за месяц до истечения срока получил письмо от нее, теперь уже замужней женщины, приехавшей в Париж после десяти лет жизни в Китае с предложением встретиться [Ibid., p. 167]. Но из этого ничего не вышло, недаром роман назывался «Тщета».

Несколько издателей отвергли роман Джехарди, и писатель попросил рекомендацию у Кэтрин Мэнсфилд. Она жила в горах Швейцарии смер-

тельно больная туберкулезом, тем не менее, за неделю прочитала книгу неизвестного ей Джекхарди, а через две – нашла издателя [Ibid., p. 170–172].

«Тщета» – это одновременно книга о беспорядочной жизни русской семьи на фоне жизни революционной России, и исследование «загадочной русской души», и остроумный роман, пародирующий русскую литературу и воздающий ей должное, а в целом это роман о человеческом существовании. По определению К. Мэнсфилд, это «живая книга... она “дышит”» (цит. по: [Craig, p. 240]), и, вероятно, для нее, большой поклонницы Чехова, важную роль сыграло явно чеховское начало романа. Но и далекая от русской литературы американская писательница Эдит Уортон в предисловии к американскому изданию романа оценила его «английские качества» – «the fun, pathos and irony» («забавность, пафос и иронию...») [Gerhardi, 1922, p. 3]. А Г. Уэллс в лондонском литературном журнале «Адельфи» сожалел, что «нет шума по поводу “Тщеты” Джекхарди – шума, “который достигал бы предместий и городов”» (цит. по: [Gerhardie, 1971, p. 9]).

В центре романа – любовь выросшего, как и автор, в России англичанина-повествователя (его называют Андрей Андреевич) к Нине, средней дочери в петербургской семье Бурсановых, состоящей из отца Николая Васильевича, его трех дочерей Сони, Нины, Веры (эхо «Трех сестер» Чехова), его гражданской жены, бывшей актрисы-немки Фанни Ивановны, законной, но покинувшей его жены Магды Николаевны, его юной любовницы Зины и ее многочисленной семьи, первого и второго любовников Магды, а также барона Вундерхаузе-на, поклонника, а затем мужа Сони, нацеленного на доходы тестя. Николай Васильевич считается богатым, но его состояние, основанное на не приносящих дохода золотых приисках в Сибири, фантом. Он легкомыслен и инфантилен, как Стива Облонский. Очевидно, таково представление Джекхарди-англичанина о русской семье – большой и неотразимо притягательной.

Жизнь Бурсановых и их окружения проходит в танцах, вечеринках, но доминанта их жизни – *ожидание*. Они живут не настоящим, а ожиданием будущего и счастья. Тут Чехов плавно перетекает в Беккета, предвзяв его пьесу «В ожидании Годо» (1952). Кажется, будто часто не бывающий дома Николай Васильевич *что-то делает*. Но повествователь понимает: он где-то слоняется, создавая видимость деятельности [Gerhardie, 1971, p. 75]. И возникает впечатление: герои Чехова перенесли в ситуацию революции, обстоятельства изменились, а люди – нет. Образ Николая Васильевича перекликается с образами «Дяди Вани» – Войницким, Астровым, профессором Серебряковым. Джекхарди использует их звучащие как лейтмотив слова: «Надо делать дело». Он хочет делать дело, поправить дела и начать жизнь заново, но признается в своем бессилии [Ibid., p. 79].

Как-то повествователь с Николаем Васильевичем ночью выходит на улицу и ощущает нечто безнадежное в этой ночи, тоску, вызванную политическим и экономическим хаосом. Далее следует символическая

сцена: они пересекают Дворцовую площадь, и перед ними из-за кучи хвороста возникает пьяный солдат с ружьем и требует денег, держа палец на курке. Денег у них нет. Он требует курева – и курева у них нет. Тогда солдат, то ли припугивая их, то ли смягчаясь, поясняет им:

“And I... go about, you know, letting the guts out of the *bougouys*”. “That’s right, Comrade, – ventured Nikolai Vasilievich. – Kill them all, dirty dogs!” “I will”, – said the soldier cheerily and walked off into the night, while we went our way [Ibid., p. 80]⁶.

Так пьяный солдат выносит приговор «чеховским» героям романа.

* * *

В романе «Полиглоты» ощущение фатальной бездейственности, парализующей инерции, господствующих в романе «Тщета», только обостряется. Повествователь втянут в беспорядочную жизнь семьи сестры своего отца тети Терезы, которая ищет сначала в Японии, потом в Харбине убежище от Первой мировой войны.

Русская нить в «Полиглотах» основополагающая. Джехарди создает амбивалентный образ России. Он со вкусом рассказывает историю первого замужества тети Терезы: она рано лишилась родителей, ее удочерила русская княгиня, вырастила со своей дочерью, из-за чудесной красоты баловала «вне всякой меры» и выдала замуж за молодого бездельника Николая, сына богатого помещика и бывшей гувернантки мадемуазель Фифи. Русскую бесшабашность Николай сочетал с подлинно парижской веселостью. Джехарди описывает его с характерным для англичанина смешанным чувством восхищения и ужаса: Николай размахивал заряженными пистолетами, мог внезапно выстрелить, гонял на тройках с цыганками – оргия была его стихией. Любитель шуток, он привязал полицейского к дрессированному медведю и бросил их в канал, удерживая на веревке. А однажды купил жирафа и привел в спальню к Терезе. Рациональная и волевая, она терпела, надеясь, что он унаследует княжеский титул, и она станет княгиней, но он вдруг отдал Богу душу. Тереза вышла замуж за бельгийца [Gerhardie, 1987, p. 7–8]. Опыт жизни в России привел ее к выводу: русских людей не волнует, какое у них правительство, они вполне счастливы, пока имеют еду и одежду [Ibid., p. 98].

Повествователь в «Полиглотах» понимает, что живет на сломе истории, в которую оказался втянут в России, и ему кажется, что это время потерянных людей, что в первую очередь относится к русским. Символический смысл обретает описание повествователем плаванья на судне «Пенза» Русского добровольческого флота в июле 1918 г. из Токио во Владивосток:

⁶ «А... я тут, понимаете, шатаюсь по округе и выпускаю кишки *буржуям*. “Правильно, – осмелился Николай Васильевич. – Бей их всех, гадов!” – “Буду бить”, – весело сказал солдат и исчез в темноте, а мы пошли дальше».

...Captain, as he sat among us at the head of the table, had a meek, resigned look in his eyes, as if he didn't quite know what he was going to do next, while the ship's officers, professing disgust for the tedium of their prosaic occupations, speculated with enthusiasm on high politics, religion, literature, and metaphysics, upon which plane of thought navigation and such-like matters appeared proportionately negligible things. Meanwhile the ship somehow went on, thud after thud – and even reached its destination [Gerhardie, 1987, p. 43–44]⁷.

Тут явно многое из того, что повествователь считает специфически русским: отвращение к рутине повседневности, склонность говорить о высоком, общая пассивность и медленное, с перебоями, но все-таки продвижение к цели.

Как и в «Тщете», в «Полиглотах» Джахарди отказался от традиционного последовательного сюжета, стремясь, подобно Чехову, показать жизнь как она есть – в ее хаотичности, однако понял, что избавиться от сюжета невозможно, но можно использовать иной его тип – неброский, выявляющий то, что находится под поверхностью и определяет судьбу человека. В сложном конгломерате жизни он выявляет лейтмотивы.

Прежде всего это метафоричный *мотив полиглота* – скитальца по миру, нигде не чувствующего себя дома, а в данном случае попавшего в мир войны и русской революции. Говорящие фамилии в романе (повествователь Джордж Гамлет Александр Дьяболо, капитан Негодяев, майор Бистли, то есть Зверский, и др.) дополняют ощущение трагизма и сумятицы существования.

История все больше «наезжает» на персонажей романа. Из Харбина они перебираются в Шанхай. Многонедельное плавание затерянных в истории персонажей из Шанхая в Англию на лайнере «Носорог» (своего рода Ноевом ковчеге) обретает метафорический смысл как плавание в неведомую жизнь.

На «Носороге» Джордж встречает генерала Похитонова, приплывшего из Гонконга, но власти, не доверяя ему (в начале революции в России он примыкал к восставшим), не пускают его на берег. И так в каждом порту (Шанхай, Каир, Коломбо, Гибралтар). С расшатанными нервами, с бессвязной речью генерал дрейфует по миру без цели. Его история – своеобразная притча о человеке, поставленном историей в безвыходное положение.

Еще одна важная линия – линия капитана Негодяева. Повествователь познакомился с ним в Харбине и поначалу гротескно описал его сходство с крысой на задних ногах. Негодяев робок, сервilen, навязчиво рассказывает о своей жене и семилетней дочери в Новороссийске, которых не может принять, ибо живет в железнодорожном вагоне [Ibid., p. 43]. И зачитывает безысходное, с пронзительной чеховской

⁷ «У капитана, который сидел во главе стола, было смиренное отсутствующее выражение в глазах, как будто он не совсем знал, что будет делать дальше. Офицеры на корабле, испытывая отвращение к скучным повседневным занятиям, с энтузиазмом говорили о большой политике, религии, литературе и метафизике. Тем не менее, корабль с глухими содроганиями двигался и даже достиг пункта назначения».

интонацией письмо жены о жизни, лишенной радости, о жизни без будущего в провинциальной постреволюционной России [Ibid., p. 90]. Тетя Тереза реагирует активно, по-английски – предлагает ему поселить их в Харбине у нее. И переиначивая гоголевское «все обман, все не то, чем кажется», Джехарди подводит к тому, что именно этот малопривлекательный персонаж оказывается достойным собеседником для повествователя. На его «русский вопрос», в чем смысл жизни, Негодяев отвечает: жизнь не имеет смысла и, возможно, существует, чтобы дать смысл смерти [Ibid., p. 251].

В «Полиглотях» жизнь не только тщетна, она трагична, непредсказуема, непостижима. В роман настойчиво врывается мотив смерти. Сына тети Терезы Анатоля Вандерфлинта казнят накануне прекращения военных действий за то, что он заснул на посту; ее брат (дядя Люси), прибыв с многолетней семьей в Харбин из-под Красноярска, где у него рухнул бизнес – экспорт мехов, одевшись как трансвестит (женские чулки, крепдешинный камзол, ночной чепчик сестры), повесился. Ключевым эпизодом романа становится смерть Наташи Негодяевой, приехавшей с матерью к отцу в результате хлопот тети Терезы.

На «Носороге» у Наташи, ставшей всеобщей любимицей и молившейся перед иконой Николая-чудотворца за «нашу бедную Россию», начался сильный жар, и через три дня она умерла. Ее хоронят в океане, завернув в парус с гириями и русским триколором – тут явно просматривается перекличка с похоронами Гусева в одноименном рассказе Чехова, где умершего зашивают в парусину и сбрасывают в море. У Чехова обыденность смерти сочетается с ее ужасом, с пожиранием, как в триллере, Гусева акулой и живой, масштабной реакцией океана и неба на смерть человека. Джехарди заморожен этим изображением смерти. В книге «Антон Чехов» он пишет, что любой другой писатель в такой сцене ввел бы прилагательные в превосходной степени, адекватные степени ужаса происходящего, но Чехов сохраняет художественный инстинкт сдержанности [Gerhardi, 1923, p. 145–146]. Тот же инстинкт свойствен и Джехарди: он лишь упоминает акул, сопровождающих лайнер, как зловещий знак приближения смерти.

Мотив смерти Наташи – мотив (тут традиция Достоевского) невинного ребенка, в сумятице революции выброшенного на семь ветров истории и в конце концов уничтоженного. Джордж думает о маленькой русской девочке в бездонной глубине Индийского океана, с которой умерла сама жизнь и красота [Gerhardie, 1987, p. 316]. Роман обретает глубокий экзистенциальный смысл. Отец Наташи после похорон, вглядываясь в океан и словно спрашивая у него, в чем смысл смерти, у которой нет смысла, плачет [Ibid., p. 306]. Джордж напоминает ему завершающие строки тургеневских «Отцов и детей»: «...цветы, растущие на ней [могиле], не об одном вечном спокойствии говорят нам... о вечном примирении и жизни бесконечной» [Тургенев, с. 334]. Самому Джехарди ближе Чехов, о котором он пишет:

Какова бы ни была смерть, он чувствует смысл даже в самом черном молчании исчезновения. Ибо это тоже лишь фаза жизни, вечного изменения... [Gerhardi, 1923, p. 49].

Трагические мотивы сочетаются в романе с гротеском, иронией и юмором. Джахарди любит русские прибаутки, одну из них приводит повествователь, утешая свою тетю, ожидающую в Харбине деньги от брата из Красноярска: "Patience, patience, and once again patience, said General Kuropatkin as he lost the Russo-Japanese War" [Gerhardie, 1987, p. 56]⁸, возможно, пародируя крылатое советское, обычно приписываемое Ленину: «Учиться, учиться и еще раз учиться». С гоголевского диалога начинается знакомство тети Терезы с белым генералом Пшемович-Пшевитским, гротесковый образ которого создан на страницах романа. Она спрашивает его, знал ли он русских аристократов Трубецких, с которыми она была накоротке в молодости. Тот в духе Хлестакова отвечает: "Ah! Who didn't know them!" («Ах! Кто же их не знал!») [Ibid., p. 94]. А Джордж вспоминает, что, по слухам, генерал в свое время был жандармом, охранял улицы.

* * *

Главный смысл «чеховского» мироощущения Джахарди – жизнь сопротивляется любому виду четкого упорядочивания, кроме хронологии. Персонажи остаются неизменными, оказываясь в разных местах и ситуациях. Лейтмотивы, на которых построена художественная структура, определяются тем, что каждый персонаж – одинокая душа, живущая в созданном им мире.

Но с первой же части «Тщеты» самим ее названием – «Три сестры» – Джахарди декларирует не только преемственность по отношению к Чехову, но и полемику с ним: повествователь в разговоре с Николаем Васильевичем удивляется чеховским сестрам, ему кажется странным, что они не могут делать, что хотят, не могут поехать, куда хотят, и даже не знают, что хотят. Николай Васильевич не согласен: "It is all very well, he said slowly, *to talk*. Life is not so simple. There are complications, so to speak, entanglements. <...> Chekov is a great artist" [Gerhardie, 1971, p. 18–19]⁹. В сущности, в романе сталкиваются две модели поведения – западная английская протестантская (повествователь) и русская православная (Николай Васильевич, его дочери).

В «Полиглотях» Джахарди противопоставляет «русскую» модель поведения английской. На пароходе громкое философствование капитана Негодяева вызывает неодобрительный взгляд на него

⁸ «"Терпение, терпение и еще раз терпение", – говорил генерал Куропаткин, проигрывая Русско-японскую войну».

⁹ «Это очень хорошо, сказал он медленно, – *говорить*. Жизнь не так проста. Существуют осложнения, так сказать, запутанные ситуации... Чехов – великий художник».

английской дамы сквозь лорнет. Джордж советует ему не говорить так громко: людей шокирует такое волнение из-за Бога и Вселенной. А Негодяев отвечает, что никогда так не смеялся, как вчера вечером, увидев, как англичане играли в карты без звука, без движения, будто они в церкви, с убийственной для любого нормального человека скукой, в России уже давно кто-нибудь бы вскочил, протестовал, назвал бы другого обманщиком [Gerhardie, 1987, p. 275].

Сам автор отдает себе отчет в культурно-цивилизационном расхождении и даже несовместимости двух миров – русского и английского. Но его автобиографического героя, комически-романтического эксцентрика с литературными наклонностями, влечет к русским персонажам, иррациональным, беспечным, неорганизованным, непрогнозируемым, хотя он не может найти гармоническое созвучие с их миром. Он понимает, что их мир не поддерживает ни его романтическое мироощущение, ни его прагматическое, действенное начало. Когда он объясняется Нине в любви, она, явно желая принизить его, говорит, что у него на носу сажа [Gerhardie, 1971, p. 174], а слушая его философские рассуждения, замечает лишь его нелепую мимику. Когда же он в духе своей протестански-действенной и рациональной натуры пытается помочь Бурсановым – разработать план действий, разумной организации жизни, это вызывает у них смех.

Как и чеховская Нина в «Чайке», Нина у Джехарди не любит молодого писателя. Ее отъезд с сестрами из Владивостока в Шанхай кладет конец его надеждам. Но, в отличие от Константина Треплева, у него достаточно сил пережить безответную любовь: его спасают его литературные амбиции. И тут ему довольно парадоксально противопоставлен русский литератор дядя Костя, родственник Зины, которого все с уважением считают писателем, хотя он ничего не опубликовал и неизвестно, написал ли хоть что-то. Повествователь спрашивает дядю Костю как коллегу-писателя, о чем он думает; тот отвечает, что мысли у него разные, но ускользающие, калейдоскоп тонких оттенков, и он открыл великую истину: жизнь слишком замечательна и неуловима для слов – писательство тщетно. Так, вечная сосредоточенность русской культуры на роли и долге интеллектуала-писателя сведена здесь к абсурду, к еще одной фантомности [Sell, p. 42].

Прозрение дяди Кости вызвало у повествователя сочувствие, но сам он словно принимает эстафету у русских литераторов и создает роман «Тщета». Драма жизни – крах любви приводит его к мысли о создании книги. И тут он идет русской стезей. Для него, как и для многих русских писателей, особенно XX в., творчество – это спасение, память, защита.

Джехарди – драматичная фигура в истории английской литературы. Если учесть значение России в его жизни и то, что именно она дала ему импульс как писателю, то его можно рассматривать как редкий образец писателя англо-русского пограничья. Двойная идентичность осложнила его жизнь и привела к раздвоению. Он воспринимал

жизнь не совсем по британским стандартам и не вписался полностью в английский контекст, хотя был признан британскими коллегами, а «король британской прессы» миллионер лорд Бивербрук назвал его гением [Gerhardie, 1990, p. 243]. Но недаром Джордж Гамлет Дьябло в «Полиглотах» замечает:

...like my royal namesake from Shakespeare, I finally arrived at no conclusion at all. I am cursed with a Hamletian inaction. Russia has bitten me much too deeply [Ibid., p. 167–168]¹⁰.

Джехарди жил и умер в Лондоне в бедности. Возможно, он не желал заниматься ничем, кроме писательства, проявляя русский максимализм. Но, испытывая раздвоение в жизни, он сохранил цельность в творчестве и органично сочетал русскую традицию, прежде всего чеховскую, хотя и не только, с английской гротескно-комической манерой повествования (идущей от английской карикатуры, от Уильяма Хогарта, от Чарльза Диккенса) и с экзистенциальной проблематикой. Он органично вписался, как заметил американский литературовед Р. Крэг, в английскую литературную традицию, ведущую от Стерна к Беккету [Craig, p. 241]. Определение Джехарди как «английского Чехова» эффектно, но неточно [Sell, p. 48]. Сам английский язык преображал чеховский темперамент и эстетику в тексте Джехарди, не говоря уж о том, что писатель жил и писал совсем в другое время. Он двигался в том же русле, что и его британские современники-модернисты В. Вулф, Дж. Джойс, но своим путем: он отверг традиционный сюжет, но характер, персонаж, умеренный психологизм остались важны для него, изображение эксцентричных характеров и ситуаций он сочетал с трагикомедией повседневной жизни и пониманием трагических масштабов человеческого существования.

Список литературы

Джерарди У. Нашествие варваров [Полиглоты] / пер. с англ. Э. Паттерсон; предисл. В. Сержа. М. ; Л. : Госиздат, 1926. 192 с.

Джехарди У. Тщета: Роман на русские темы / пер. с англ. М. Немцова. Владивосток : Валентин, 2016. 148 с.

Тургенев И. С. Отцы и дети // Тургенев И. С. Собр. соч.: в 12 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 3. С. 151–334.

Bailey J. Baby Face: William Gerhardie // Bailey J. The Power of Delight: a Lifetime in Literature : Essays, 1962–2002 / ed. by L. Carey. N. Y. : W. W. Norton, 2005. P. 89–94.

Craig R. The Early Fiction of William Gerhardie // Novel: A Forum on Fiction. 1982. Spring. No. 3. Vol. 15. P. 240–245.

¹⁰ «Как мой королевский шекспировский тезка, я не мог прийти ни к какому окончательному решению. Я проклят гамлетовской бездеятельностью. Россия слишком сильно ужалила меня».

- Davies D.* William Gerhardt : A Biography. Oxford : Oxford Univ. Press, 1990. 446 p.
- Gerhardi W.* Anton Chehov. L. : Richard Cobden-Sanderson, 1923. 192 p.
- Gerhardi W.* Futility: A Novel on Russian Themes / preface by E. Wharton. N. Y. : Duffield Co, 1922. 256 p.
- Gerhardie W.* Futility. A Novel on Russian Themes / preface by M. B. Holroyd. Suffolk : Penguin Books, 1971. 184 p.
- Gerhardie W.* Memoirs of a Polyglot. L. : Robin Clark, 1990. 381 p.
- Gerhardie W.* Notebooks // Cambridge University Library. Gerhardt Archive. Box 11. Additional Manuscript 8292.
- Gerhardie W.* The Polyglots / preface by M. B. Holroyd. Oxford : Oxford Univ. Press, 1987. X + 328 p.
- Kelly R.* The Inspirational Gerhardt // Faber and Faber [website]. URL: <http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardt/> (mode of access: 20.01.2017).
- Sell R. D.* Gerhardt's Chekhovian Debut // *Essays in Criticism*. 1991. № 41. Iss. 1. P. 28–50.
- Snow C. P.* Comments on Neglected Books of the Past 25 Years // *American Scholar*. 1970. Spring. Vol. 39. P. 344–345.
- The Times*. 1973. June, 28. P. 15.

References

- Bailey, J. (2005). Baby Face: William Gerhardt. In Bailey, J. *The Power of Delight: a Lifetime in Literature: Essays, 1962–2002* / ed. by L. Carey. N. Y., W. W. Norton, pp. 89–94.
- Craig, R. (1982). The Early Fiction of William Gerhardt. In *Novel: A Forum on Fiction*. Spring. No. 3. Vol. 15, pp. 240–245.
- Davies, D. (1990). *William Gerhardt: A Biography*. Oxford, Oxford Univ. Press. 446 p.
- Gerhardt, W. (1922). *Futility. A Novel on Russian Themes* / preface by E. Wharton. N. Y., Duffield Co. 256 p.
- Gerhardt, W. (1923). *Anton Chehov*. L., Richard Cobden-Sanderson. 192 p.
- Gerhardt, W. (1926). *Nashestvie varvarov* [Invasion of Barbarians] / transl. by E. Patterson, preface by V. Serge. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 192 p.
- Gerhardt, W. (1971). *Futility. A Novel on Russian Themes* / preface by M. B. Holroyd. Suffolk, Penguin Books. 184 p.
- Gerhardt, W. (1987). *The Polyglots* / preface by M. B. Holroyd. Oxford, Oxford Univ. Press. X + 328 p.
- Gerhardt, W. (1990). *Memoirs of a Polyglot*. L., Robin Clark. 381 p.
- Gerhardt, W. (2016) *Tshcheta: Roman na russkie temy* [Futility. A Novel on Russian Themes] / transl. by M. Nemtsov. Vladivostok, Valentin. 148 p.
- Gerhardt, W. Notebooks. In *Cambridge University Library*. Gerhardt Archive. Box 11. Additional Manuscript 8292.
- Kelly, R. (2011). The Inspirational Gerhardt. In *Faber and Faber* [website]. URL: <http://www.faber.co.uk/blog/the-inspirational-william-gerhardt/> (mode of access: 20.01.2017).
- Sell, R. D. (1991). Gerhardt's Chekhovian Debut. In *Essays in Criticism*. No. 41. Iss. 1, pp. 28–50.
- Snow, C. P. (1970). Comments on Neglected Books of the Past 25 Years. In *American Scholar*. Spring. Vol. 39, pp. 344–345.
- The Times* (1973). June 28, p. 15.
- Turgenev, I. S. (1976). Otsy i deti [Fathers and Sons]. In Turgenev, I. S. *Sobranie sochinenii v 12 t.* [Collected Works. 12 vols.]. Vol. 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, pp. 151–334.

The article was submitted on 24.02.2017